

ратуру воспринимал больше со стороны эстетической, историю — со стороны «Минина и Пожарского» — и абсолютно ничего не понимает в движении, «не может поверить» ничему, хоть я и говорю ему. Для него все это «жиды, негодяи и властолюбцы». И именно он мечте-то не верит.

Ваш В. Розанов.

Еще раз спасибо за ответ. Он таков, что я позволю себе еще писать. Может, когда и свидимся. Дайте знать, когда приедете в Петербург — приду.

В. Г. КОРОЛЕНКО

<5—7 апреля 1906>

Милостивый государь, Владимир Галактионович,

Не можете ли Вы мне помочь — советом, указанием, готовностью, мотивированным отказом? — в затруднении, в котором сам я никак не найдусь и даже не понимаю, что мне нужно делать или что можно сделать. Написал я статью: «*Ослабнувший фетиш*», — думаю — ни для кого не оскорбительную, где выясняю историко-философски, что не содержится никакой личной, так сказать *фамильной*, какого-нибудь студента, учителя, латыша и пр. вины в *ослабленности* у него личного чувства Государя как личности и должности — ибо это есть *мировой факт*, как перемена климата в стране, как высыхание больших озер в Азии и проч.: а за *общее не судят*. Мне думается, этому мировому течению до того все подчинены, что Государь сам не имеет того *само-ощущения* как Александр I, Николай I, даже Александр II, в коих «фетиш» был еще очень силен и это был просто *факт*, которого теперь нет. Как сердиться за ливень улице — за туман на улице или за ясную погоду?! А у нас судят, судятся. Все это, мне кажется, у меня сказалось хорошо, т. е. с убеждением и увлечением, так что, писавши, я подумал: «это бы Государю надо прочесть, и тогда он сам перестал бы сердиться за ослабление у нас всех монархических чувств». Словом, рассуждения бывают удачные и не удачные, но это *вышло* (удача, без всякой моей натуги) удачно. — Предложил я его в «Полярную звезду», и оно было уже после кой-каких колебаний принято: но сегодня получаю статью обратно с уведомлением, что они боятся вновь потерять право издания, претерпевши за статью Штильмана на ту же тему, на какую написана моя статья.

И вот я прибегаю к автору «Слепого музыканта» и «В дурном обществе», зная, что нашлось у него местечко для пана Тыбурця — найдется и для недоумевающего литератора —

ответить: как поступить? Ничего нет тяжелее как устраивать свои статьи. Тó — непонимание, тó — равнодушие. Ведь у меня музыка-то вышла: а как и где ее играть? Была мысль послать или в «Русскую мысль» или к Вам («Рус. бог.»). Все литераторы нетерпеливы — и пишу Вам. Конечно, у Вас 1 000 дел. Но у кого их мало? И все же помогать мы друг другу должны? Если бы Вы согласились прочесть? Еще лучше — напечатать? Будьте добры ответить Вашему покорному слуге Василию Васильевичу Розанову, С.-Петербург, Шпалерная ул., д. 39, кв. 4.

С почтением
В. Розанов.

А. А. БЛОКУ

<Получено 19 февраля 1909>

Дорогой и, конечно — по-прежнему милый Александр Александрович! Спасибо Вам за письмо. Понимаю Ваше чувство *кровной интеллигентности* (хотя ведь интеллигентность *именно не кровная* — у большинства, у 90% интеллигенции), и она, т. е. всякие негодования на сабли, палки и попов имеют* свое основание; хотя имеет основание и старик, плачущий о том, что не будет «пьяненьких попов». Знаете ли, вот если бы 2 эти интеллигентности слились — Русь была бы велика; но худо, что даже *кровная интеллигентность* не понимает плачущего мужика, что она даже в христианократических (хор. смысле) представителях не постигает тютчевских «бедных селений», — и тогда *оскорбленный* народ (не всегда, но иногда) берет дубье и начинает погром. В «погроме» конечно есть 99% *злодеяния*, идут мясники и плуты, идут обиженные конкуренцией торгаши, но 1% есть и *оскорбленной* народной святыни, настоящее. Плачущий старик, ну хоть у гроба Иоан. Кронштадтского, — пусть весь он полон «суеверия и непонимания» — есть столь же прекрасное, благородное и *вековечное* явление, как Ваш дед Бекетов. Почему им не обняться?! Да, почему, что мешает?! Загадка всей русской истории. А если бы она разрешилась, не было бы более ни революции, ни реакции. Соглашаюсь с Вами о смертной казни; мой милый, неужели Вы не видите софизма в душе Вашей, что бомба — *решительно Вам не отвратительна*. И след., что тут не «кровь» в Вас говорит: «не убий», а разум — всегда плутяга-разум подсказывающий: «перевешать надо

* Написано почти несомненно имеют, а не имеет. (Примеч. А. Блока.)